

7. Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

8. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

9. Закон Республики Казахстан от 02.04.2010 г. № 261-VI «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» // Доступ из сети Интернет: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000261> (дата обращения 11.02.2022 г.);

10. Ярков В.В. Глобальный кодекс принудительного исполнения / Пер. с англ. и коммент. А.А. Парфенчиковой. – М.: Статут, 2016. - 224 с.

11. Сабитова А.А., Рамазанова А.С. Вопросы оказания бесплатной юридической помощи населению в Республике Казахстан // Доступ из сети Интернет: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D41726004 (дата обращения 11.02.2022 г.);

12. Закон Республики Казахстан от 02.12.2020 г. № 379-VI «О республиканском бюджете на 2021-2023 годы» // Доступ из сети Интернет: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32245090 (дата обращения 11.02.2022 г.);

13. Баймуханова К.Р. О бесплатной юридической помощи: просто и понятно // Доступ из сети Интернет: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35400175&pos=6;-122#pos=6;-122 (дата обращения 11.02.2022 г.);

14. Закон Кемеровской области - Кузбасса от 11.12.2019 года «Об областном бюджете на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов» // <https://www.ofukem.ru/budget/laws2020-2022/15277/> (дата обращения 11.02.2022 г.);

15. Рекомендованные минимальные ставки вознаграждений за отдельные виды юридической помощи, оказываемой по соглашениям адвокатами Кемеровской области, и размеры компенсации командировочных расходов с 01 февраля 2019 года от 28.01.2019 // <http://advpalatakem.ru/docs/index.php?id=84> (дата обращения 11.02.2022 г.).

16. Об утверждении Правил стимулирования государством за внесение значительного вклада в оказание комплексной социальной юридической помощи // Постановление Правительства Республики Казахстан от 8 февраля 2019 года № 45. // Доступ из сети Интернет: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38834930&doc_id2=38834930#activate_doc=2&pos=5;-106.5&pos2=7;-103.5 (дата обращения 11.02.2022 г.);

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В РАМКАХ ЕАЭС

Сасс А.В., аспирант кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета, магистр юрид. наук

Традиционно в научной экономической литературе под монополией понимается создание хозяйствующими субъектами такой ситуации на рынке, при которой за производство и сбыт одного или нескольких видов продукции в рамках конкретной отрасли отвечает лишь одно крупное предприятие. Таким образом, в этой отрасли функционирует одна фирма (хозяйствующий субъект), как следствие, отсутствует конкуренция и, как результат, нарушается стабильность рыночных отношений.

Белорусский законодатель в рамках рассматриваемого вопроса не использует термин «монополия», который является, скорее, доктринальным, а заменяет его на термин «монополистическая деятельность». Виды и формы такой деятельности составляют предмет антимонопольного регулирования.

Так, глава третья Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 года «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее — Закон) закрепляет перечень основных видов монополистической деятельности, к которым относятся:

1) Злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке, результатом которого являются или могут явиться недопущение, ограничение или устранение конкуренции;

2) Соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, которые приводят либо могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции [1].

Помимо этого, на основе дальнейшего анализа норм Закона, представляется возможным дополнительно выделить такие виды монополистической деятельности, как экономическая концентрация и недобросовестная конкуренция.

В данном случае особый интерес представляют именно соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, которые приводят либо могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции (они же — «антиконкурентные соглашения»).

Названные соглашения принято подразделять на два самостоятельных подвида: горизонтальные и вертикальные. Указанной позиции придерживается как ряд представителей доктрины [2, с. 242], [3, с. 4] [4, с. 211] так и законодатели многих государств, что будет продемонстрировано далее.

Сейчас же следует обозначить, что под горизонтальными соглашениями понимаются соглашения между хозяйствующими субъектами, являющимися конкурентами на рынке, которые ведут к ограничению или устранению конкуренции. Подобные соглашения запрещены антимонопольным законодательством многих государств, ввиду того дестабилизирующего влияния, которое они оказывают на рыночные отношения. При этом некоторые из них могут быть признаны допустимыми в случае, если хозяйствующие субъекты, между которыми заключается такое соглашение, докажут регулятору в лице антимонопольного органа, что их целью является не дестабилизация рынка таким путем, а, скорее, его стимулирование.

Под вертикальными же соглашениями надлежит понимать соглашения между хозяйствующими субъектами, не являющимися конкурентами на рынке, которые, однако, также ведут или могут привести к ограничению или устранению конкуренции. Применительно к данным соглашениям законодатель придерживается несколько иной точки зрения в вопросе их правовой регламентации.

Однако изучая упомянутую точку зрения отечественного законодателя нельзя не обратить внимания на ряд отличительных особенностей, отраженных в позициях законодателей иных государств и, в первую очередь, государств-участников ЕАЭС.

Подобный выбор легко объясним такими факторами, как особенность национальной экономической модели Республики Беларусь, а именно ее экспортоориентированность [5], и участие Беларуси в таком наднациональном экономическом образовании как ЕАЭС.

И первой на очереди в рамках настоящего сравнительного анализа является российская нормотворческая практика.

Названный законодатель в п. 19 ч. 1 ст. 4 Федерального Закона от 26 июля 2006 года «О защите конкуренции» (далее — Федеральный закон) определил вертикальное соглашение как «соглашение между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар» [6].

Данная правовая норма, по аналогии с «отечественной нормой», не содержит прямого указания на то, что хозяйствующие субъекты, между которыми заключается указанное соглашение, не должны являться конкурентами на рынке. В то же

время представляется уместным обратиться к предыдущей, а в данном случае изначальной, редакции Федерального закона.

Так, в соответствии с п. 18 ч. 1 ст. 4 указанной редакции Федерального закона под вертикальным соглашением надлежало понимать «соглашение между хозяйствующими субъектами, которые не конкурируют между собой, один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом» [7].

Особого внимания здесь заслуживает мнение И.Ю. Артемьева, который отмечает, что определение вертикального соглашения, содержащееся в предыдущей редакции Федерального закона, было сформулировано слишком широко. В частности, автор указывает на то, что используемые в определении термины «приобретатель» и «предоставляет товар» позволяют применять его ко всем известным случаям рыночного обмена товаром. Поэтому в соответствии с данным определением вертикальным соглашением может быть признано большинство видов хозяйственных договоров, а данный подход по определению не верен [1, с. 253].

Заметим, что исследуемое нами сейчас определение вертикального соглашения было полностью идентичным действующему определению, закрепленному в отечественном Законе, что позволяет использовать замечания И.Ю. Артемьева и применительно к нему, а значит заключить, что данное определение действительно является менее прогрессивным. Следовательно, разумно будет предположить, что российский законодатель, придя к такому же выводу применительно к искомой норме Федерального закона, изложил ее в новой редакции с целью ухода от рассматриваемой правовой неточности.

Далее предлагаем обратиться к позиции, которую занимает в рассматриваемом вопросе законодатель Республики Казахстан.

Основной отличительной особенностью данной позиции является то, что ст. 168 Предпринимательского кодекса содержит легальное закрепление терминов «горизонтальные» и «вертикальные» соглашения. В частности, п. 1 данной статьи закрепляет, что «антиконкурентные соглашения или согласованные действия между субъектами рынка, являющимися конкурентами (субъектами рынка, осуществляющими продажу либо приобретение товаров на одном товарном рынке), являются горизонтальными» [8]. А норма, содержащаяся в п. 2, устанавливает, что «антиконкурентные соглашения между неконкурирующими субъектами рынка, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом (поставщиком), являются вертикальными» [8].

Ни белорусские, ни российские субъекты нормотворческой практики не предусматривают подобного разделения на законодательном уровне, и, в частности, не закрепляют термин «горизонтальное соглашение» в качестве легального. В остальном же представляется возможным сделать вывод о том, что настоящий подход, по сути, аналогичен подходу, которого на сегодняшний день придерживается отечественный законодатель, следовательно, изложенные выше замечания могут рассматриваться как справедливые и в данном случае.

Вторя избранному ранее порядку, обратимся к предыдущей редакции рассматриваемой правовой нормы; совершив это, мы заметим, что определение, закрепленное в п. 2 ст. 9 Закона Республики Казахстан от 25 декабря 2008 года «О конкуренции», было перенесено в Предпринимательский кодекс в неизменном виде [9].

В свою очередь изучение соответствующих положений Закона Республики Армения от 6 ноября 2000 года «О защите экономической конкуренции», позволяет обнаружить, что армянский законодатель также придерживается позиции, которую занимает исследуемом вопросе законодатель Республики Казахстан, а именно выделяет термин «горизонтальные соглашения», закрепляя его в качестве легального.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 5 названного Закона под горизонтальным соглашением надлежит понимать такое антиконкурентное соглашение, которое заключается между

хозяйствующими субъектами, действующими на рынке одного товара и, следовательно, являющимися конкурентами. В то время как под вертикальным соглашением надлежит понимать «антиконкурентное соглашение, заключаемое между хозяйствующими субъектами, которые действуют на разных, определенным образом аффилированных товарных рынках и не являются конкурентами» [10].

Интересно, что формулировки приведенных определений являются достаточно общими, но в то же время каждая из них отражает особенности правовой природы видов антиконкурентных соглашений. Так, акцент в данном случае сделан на факте наличия конкуренции между указанными субъектами — той особенностью, которая, на наш взгляд, отражает существенную разницу между «горизонтальными» и «вертикальными» соглашениями и от которой формально отошел сперва российский, а теперь — и белорусский законодатель.

Последним из государств, которые на сегодняшний день являются членами ЕАЭС, является Киргизская Республика. В данном случае необходимо обратиться к анализу положений такого нормативного правового акта, как Закон Кыргызской Республики от 22 июля 2011 года «О конкуренции».

Впрочем, сделав это, мы увидим, что отличительной особенностью киргизского антимонопольного законодательства является то, что оно не закрепляет легальных терминов, о которых идет речь в рамках настоящего вопроса. Так, в соответствии с п. 1 ст. 7 указанного Закона «запрещаются и признаются недействительными достигнутые в любой форме антиконкурентные соглашения конкурирующих хозяйствующих субъектов» [11].

А в соответствии с п. 2 ст. 7 запрещаются «антиконкурентные соглашения между неконкурирующими хозяйствующими субъектами» [11]. Таким образом, киргизский законодатель не предусматривает формального разделения антиконкурентных соглашений на отдельные подвиды, но в то же время подразумевает такое разделение *de facto*, что явствует из анализа дефиниций.

В заключение настоящего анализа представляется не только уместным, но и также необходимым обратиться к позиции, занимаемой «законодателем ЕАЭС», и отраженной в наднациональном праве ЕАЭС — Договоре о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор).

Так, в соответствии с п. 3 ст. 76 Договора «запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке» [12].

В свою очередь п. 4 данной статьи содержит норму, согласно которой «запрещаются вертикальные соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка)».

Примечательно, что само определение вертикальных соглашений в данном пункте отсутствует, однако присутствует соответствующий термин. В то же время, п. 3, наоборот, содержит указание о том, что надлежит понимать под горизонтальными соглашениями, хотя сам термин в нем не закреплен.

Обратившись к Протоколу «Об общих принципах и правилах конкуренции», утвержденному Приложением № 19 к Договору (далее — Протокол), мы выявим искомое определение. Так, пп. 1 п. 2 раздела 1 Протокола закрепляет, что вертикальным соглашением является «соглашение между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом» [12]. Примечательно, что эта дефиниция практически идентична дефиниции, закрепленной отечественной правовой нормой, а значит очевидным образом отличается от позиции некоторых законодателей государств-участников ЕАЭС.

Резюмируя изложенное, отметим, что в рамках такого вида монополистической деятельности субъектов хозяйствования, как монополистические (или же

антиконкурентные) соглашения, может быть определено два подвида таких соглашений: горизонтальные и вертикальные.

Анализ доктринальных и законодательных источников позволяет определить следующую общую дефиницию вертикального монополистического соглашения — это соглашение между хозяйствующими субъектами, действующими на одном товарном рынке и не являющимися конкурентами.

Последующий анализ законодательных (в том числе отечественного) подходов к изучаемому вопросу не выявил каких-либо неточностей в предложенном определении. Более того, оно в той или иной мере соотносится по общему смыслу с определениями, закрепленными в антимонопольных нормативных правовых актах практически каждого из рассмотренных нами государств-участников ЕАЭС — за исключением Российской Федерации.

С одной стороны можно утверждать, что такой подход российского законодателя к пониманию вертикального антиконкурентного соглашения является более прогрессивным в сравнении с подходами иных национальных законодателей и даже подходом наднационального «законодателя ЕАЭС»; с другой стороны, на взгляд автора, справедливо утверждать, что в основе любых законодательных изменений должны, прежде всего, лежать существующие реалии и тенденции развития рыночных отношений, и лишь потом — такие факторы, как формальная прогрессивность подходов.

Список литературы:

1. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г. // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2013. – № 2/2092.
2. Конкурентное право России : учебник / И. Ю. Артемьев [и др.] ; под ред. И. Ю. Артемьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИД Высшей школы экономики, 2014. – 493 с.
3. Литвинов, Д. А. Основы рыночных отношений: Учебное пособие / Д. А. Литвинов. – Воронеж : ВИ МВД России, 2000. – 140 с.
4. Агамирова, М. Е. Регулирование вертикальных ограничивающих соглашений в условиях развитой интернет-торговли: дис. канд. юрид. наук : 08.00.01 / М. Е. Агамирова. – М., 2016. – 159 с.
5. Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by/trade/>. – Дата доступа: 04.02.2022.
6. О защите конкуренции : Федер. закон, 26 июля 2006 г., № 135-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
7. О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках [Электронный ресурс] : закон РСФСР, 22 марта 1991 г., № 948-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 16, ст. 499.
8. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан : Кодекс Респ. Казахстан, 29 окт. 2015 г., № 375-V: в ред. от 09.01.2018 г. // Информационная система «Параграф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854. – Дата доступа: 03.02.2022.
9. О конкуренции : Закон Респ. Казахстан, 25 дек. 2008 г. № 112-IV // Информационная система «Параграф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30369177. – Дата доступа: 03.02.2022.
10. О защите экономической конкуренции : Закон Респ. Армения, 6 ноя. 2000 г. № ЗР-112 // Национальное Собрание Респ. Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1272&lang=rus>. – Дата доступа: 04.02.2022.

11. О конкуренции : Закон Кыргызской Респ., 22 июля 2011 г. № 116 // База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=45842. – Дата доступа: 04.02.2022.

12. Договор о Евразийском экономическом союзе, подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – № 3/3050.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Старожилова Н.П., Карагандинский университет имени Е.А. Букетова

Становление современного понимания проблем информационной безопасности связано с техническим прогрессом XIX-XX вв., когда началось использование электричества, телеграфа, радио, телефона, телевидения. Развитие технических средств связи и передачи и обработки информации стало еще более доступным после изобретения ЭВМ. Технологии сбора, обработки информации привели к осознанию и использованию ее как особого объекта, имеющего социальное, экономическое, политическое значение и восприятию информации как продукта, имеющего спрос на мировом рынке. В середине XX в. возникла проблема конкурентной борьбы за владение и способы передачи информации, на первый план вышла необходимость защиты и охраны информации, предотвращение несанкционированного ее использования. Постепенное осознание самой информации как объекта обработки и потребления способствовало постановке вопроса о праве на информацию, введении права на информацию в состав прав человека и гражданина в международных правовых актах и в национальном законодательстве государств.

В течение длительного периода инфокоммуникационные технологии (ИКТ) и информация как ресурс обработки и спроса были объектом охраны и защиты техническими (физическими) средствами, что было закреплено в законодательных актах. На их основе формировалось право на информацию, а в Республике Казахстан, России и ряде других государств это стало предметом информационного права. Аналогом является законодательство о свободе информации англоязычных и других государств.

Понимание важного значения осознания больших изменений в области использования информации как знаний и источника развития во многих направлениях жизни общества, огромное влияние и зависимость общества от уровня овладения информационными, теле-, радио-, аудио-, спутниковыми и прочими технологиями внедрило в наш обиход такие понятия, как «информационное общество», «электронное государство», «электронное правительство» (управление), «электронный гражданин», «электронное или компьютерное пространство», Интернет, киберпреступность т.д. Появление этих терминов свидетельствует о развитии глобального процесса оснащения планеты новыми технологиями и методами работы с информационными ресурсами. Это явление получило название - процесс информатизации общества и формирования нового этапа цивилизации, который именуется как «цифровая эпоха». По мнению Бачило И.Л. информационное общество является первым этапом цифровой эпохи в смене цивилизационных характеристик современного мира [1с.68].

В Концепции правовой политики Республики Казахстан в Разделе IV обозначены 13 основных направлений развития национального права. Среди них под номером 13 стоит - совершенствование регуляторной политики в сфере цифровизации и информатизации [2]. В этих условиях общество приобретает новые глобальные характеристики и качества, становясь информационным обществом. Правовая наука информационного права